

Научная статья
УДК 821.133.1
doi: 10.17223/19986645/95/12

К проблеме производственных отношений в новеллах Г. Мелвилла 1850-х гг.

Наталья Владимировна Кузнецова¹

¹ *Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия,
nataly-journ@yandex.ru*

Аннотация. Рассматривается проблема производственных процессов и командной работы в малой прозе Мелвилла 1850-х гг. Доказывается, что чрезмерная сложность производственного процесса, а также иерархическая система управления приводят к рассогласованию цели с результатом, гибели лидера и членов команды, регрессу, вплоть до возвращения в архаичное состояние. Отсечение лишних этапов производства и отказ от социальных различий способны вернуть производственный процесс в практическое русло.

Ключевые слова: американский романтизм, американская новелла, Мелвилл, производственные отношения, прогресс, лидерство, командная работа

Для цитирования: Кузнецова Н.В. К проблеме производственных отношений в новеллах Г. Мелвилла 1850-х годов // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 95. С. 214–229. doi: 10.17223/19986645/95/12

Original article
doi: 10.17223/19986645/95/12

On the problem of the relations of production in Melville's short stories of the 1850s

Natalia V. Kuznetsova¹

¹ *Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation,
nataly-journ@yandex.ru*

Abstract. The aim of the article is to examine the specific features of the production process as well as the characteristics of teamwork in Herman Melville's short fiction. Short stories written by Melville during his most productive period, the 1850s (such as "Bartleby, the Scrivener", "The Happy Failure", "The Paradise of Bachelors and the Tartarus of Maids", "The Bell-Tower", "Benito Cereno"), is chosen as the material. Such methods as comparativism, structuralism and narratology are used in the article. The work revealed certain patterns in Melville's representation of production relations. Technical progress, a sudden increase in mass production, and the rapid growth of industrialization lead to the emergence of complexly organized mechanisms and production chains. At the same time, the number of operations that the product must go through before reaching the consumer is growing. In other words, there is a gap, or a void, between the original goal and the final result. Melville shows the danger of such voids:

production loses its practical, concrete meaning and turns into the realm of the abstract and unformed, whereas the product loses its valuable properties; it thins, shrinks in size, becomes discolored. Instead of the desired and planned progress, the production process, on the contrary, returns to an archaic state: the finished product loses its familiar shapes and assumes chthonic properties. Another reason for unsuccessful production is a mismatch between the actions of the leader and the team. Leaders of the "authoritarian" type organize teamwork in a strictly hierarchical manner, in which the most difficult work is assigned to the lowest in rank, and the leader distances himself from the team. As a result, he loses not only leadership but also individual qualities (turns into a silhouette, a skeleton). The activity of the team under authoritarian leadership is reduced to the achievement of the goal, and the value of the life of individual team members is lost, individual properties of personality are erased, the team becomes a single, indistinguishable mass. Constructive industrial relations are not so clearly defined by Melville. To set up production, the leader must cut away all unnecessary elements in a sudden movement, thus returning the process to its former practicality. Melville contrasts the "authoritarian" type of relationship with the "democratic" one, in which the leader is more concerned not with achieving the goal, but with taking care of his employees, trying to harmonize the different "parts" of the team, considering the specifics of each member of the staff. By placing himself at the lowest rank, the leader is able to correct his former imperfection, go beyond pattern thinking, and optimize the production process.

Keywords: American Romanticism, American novella, Melville, relations of production, progress, leadership, teamwork

For citation: Kuznetsova, N.V. (2025) On the problem of the relations of production in Melville's short stories of the 1850s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 95. pp. 214–229. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/95/12

Введение

Во второй трети XIX в., благодаря динамичному развитию индустриального производства, в США кардинально меняется характер рабочего процесса [1. P. 18]. Американские писатели в своих произведениях обращаются к различным аспектам трудовой сферы: фабричному труду и писательской (журналистской) работе; изобретательской деятельности и созданию предметов искусства. В той или иной степени процесс производства – материальных либо духовных услуг – описывается в рассказах «Литературная жизнь Каквас Тама, эсквайра», «Как была набрана одна газетная заметка», «Философия творчества», «Как писать рассказ для “Блэквуда”» Э. По; «Деревянная статуя Драуна», «Мастер красоты» Н. Готорна; «морских» романах и новеллах Г. Мелвилла; «Песне о себе» У. Уитмена; очерках и рассказах М. Твена. С темой производства связаны самые разнообразные проблемы: взаимоотношения хозяина и наемных рабочих, иерархические отношения внутри команды, разделение труда, положение конторских служащих, искусство художника в условиях рыночных отношений, автоматизация производства. Г. Торо, Г. Бичер-Стоу, Г. Мелвилл (а позднее – М. Твен, Дж. Лондон) обращаются к проблеме рабского труда, который теперь кардинально расходится с капиталистическими и демократическими основами аме-

риканского общества. Помимо исторической обусловленности, для американцев немаловажен и автобиографичный характер «производственных» произведений: к примеру, работа репортера отразилась в творчестве По и Твена; профессия служащего таможни – в очерке Готорна; ремесло матроса – в романах, повестях и рассказах Мелвилла и позднее – Твена и Лондона.

Романтических писателей – По, Готорна, Мелвилла – привлекает диалектический характер производственного процесса: прогресс и деградация, гармония и хаос, переизбыток и пустота, динамика и статика, телесное и механическое – только некоторые противоположности, которые романтики рассматривают в диалектическом единстве. Промышленное производство порождает изобилие, что закономерно приводит к нарушению исходного баланса. К примеру, привлечение автоматизированного производства, как и необходимость разделения труда, увеличивает производительность, но при этом ставит под сомнение смысл самого человеческого существования. Как пишет в своем исследовании Синди Вайнштейн в связи с рассказом Э. По «Человек, которого изрубили в куски»: «Разделение труда ослабляет интеллектуальные способности, ограничивает индивида узким кругом обязанностей <...>. Такое разделение превращает процесс работы из важнейшего института совершенствования в отупляющий цикл бессознательного труда» [2. Р. 2]¹. На примере производственных отношений исследуется значимая в романтической литературе проблема телесности. Преждевременное изнашивание тела в результате изнурительной работы («Ад для девиц»), замена человеческого тела искусственным («Башня с колоколом», «Деревянная статуя Драуна», «Человек, которого изрубили в куски»), командная работа, провоцирующая процесс заражения («Моби Дик», «Писец Бартлиби») – все эти аспекты изображаются на примере производственных отношений. Наконец, обращение к производственному процессу становится для романтиков одним из способов отобразить процесс самоопределения, самоидентификации индивида. В процессе работы происходит формирование личности – ее совершенствование либо деградация, вплоть до развоплощения². Николас

¹ В этой связи вспомним главу «Корабельный плотник» из романа «Моби Дик», на которую также ссылается в своем исследовании Н. Бромелл: «[Плотник] был только манипулятором; мозги его, если они вообще у него когда-нибудь были, давно уже, должно быть, перелились к нему в пальцы. Он похож был на одно из тех не размышляющих, но весьма полезных шэффилдских изобретений, *multum in parvo*, которые с виду кажутся просто складными карманными ножами слегка увеличенных размеров, однако содержат в себе не только лезвия разнообразной величины, но также штопоры, отвертки, щипчики, шила, перья, линейки, пилки для ногтей, сверла и буравчики. Так что захоти хозяева нашего плотника воспользоваться им как отверткой, им нужно только открыть в нем соответствующее отделение, и отвертка к их услугам; а если им понадобятся щипчики, они возьмут его за ноги, и готово» [3. С. 501].

² Так, в новелле «Писец Бартлиби», по мысли критиков, производительность и функциональность тождественны самому бытию: «Быть» в мире стряпчего означает «делать», «быть функциональным» <...> Ничего «не делать» означает «не быть» [4. С. 206]. Сходным образом высказывается Кевин Эттел: «Чего конкретно не делает Бартлиби? Говоря просто: он не производит. <...> Бартлиби в своей абсолютной пассивности представляет

Бромелл, размышляя об онтологическом аспекте производственных отношений, цитирует слова Эмерсона: *But do your work, and I shall know you*¹ [1. P. 4]. Физический и нравственный труд (по крайней мере, в довоенный период) Бромелл сопоставляет с дихотомическим разделением тела и души [1. P. 7].

В 1850-е гг., наиболее плодотворный период творчества Г. Мелвилла, в Америке широко распространяется торговая (предпринимательская) деятельность². Хотя и не без иронии, в новелле «Писец Бартлби» Мелвилл упоминает имя Джона Джейкоба Астора – одного из первых американских миллионеров. В романе «Моби Дик, или Белый кит» говорится об основателе китопромышленной фирмы «Эндерби и сыновья» – «торгового дома, который <...> мало в чем уступает объединенному королевскому дому Тюдоров и Бурбонов, с точки зрения их исторической роли» [3. С. 476]. В числе других предпринимателей можно назвать: торговца громоотводами из одноименного рассказа; мечтавшего прославиться своими изобретениями пожилого дядюшку («Счастливая неудача»); торговца семенами («Ад для девиц»); и даже Квикег в свободное время торгует засушенными человеческими головами.

Широкая торговая деятельность, а также рост оптовых продаж требовали высокотехнологичных и производительных средств, как пишет рассказчик в «Аде для девиц»: «Эти небольшие конверты я употреблял в невероятных количествах – *несколько сот тысяч в год*» [6. С. 252]. В творчестве Мелвилла находят отражение и стремительный рост индустриализации, и массовое производство³. Он критически относится к таким деструктивным явлениям как массовый забой китов («Моби Дик»), конвейерное производство

собой фигуру чистого бытия, бытия – и ничего более. И по ходу повествования он настолько ослабляется, все больше приближаясь к голой сущности, голой жизни, голому бытию, что в конце концов увядает, растворяется. <...> Бартлби исчезает в точке, где продуктивные способности человека – способность действовать – упраздняются ради достижения чистого, бездеятельного «бытия как такового» [5. P. 212].

¹ Здесь и далее курсив мой. – Н.К.

² О «дискурсе торга» как специфике американской модели общения пишет Т.Д. Венедиктова: «Границы рынка здесь размыты настолько, что едва ли вообще мыслима сфера “*extra commercium*”, то есть, такая, которая могла бы противопоставить себя рынку. Последний – всегда и везде по соседству: неудивительно, что метафорика торга и мысль о том, что “рынки и цены – основа человеческой природы”, традиционно пролизывали американский торговый дискурс». [4. С. 34].

³ Как пишет Дэнис Берггольд, «эти писатели (Мелвилл, По, Купер) жили в самое бурное в истории молодой страны время, когда демократия сталкивалась со множеством сложных испытаний: нескончаемые законодательные споры по вопросам рабства, неустойчивая экономика раннего капитализма, быстрый рост населения и демографические сдвиги, грандиозная географическая экспансия после Американско-мексиканской войны, наконец, Гражданская война [7. P. 156]. Вместе с тем отмечается и ряд конструктивных явлений: «...технические достижения в промышленном производстве и сопутствующий рост городских коммерческих центров, миграция и экспансия населения <...> растущее уважение к науке, поддержка народного образования, интерес к созданию инфраструктурных систем <...>. В период, предшествующий Гражданской войне, наблюдается резкое увеличение численности городского населения в Филадельфии, Бостоне и Нью-

(«Ад для девиц») или переход к автоматизированному труду («Ад для девиц», «Башня с колоколом», с оговорками – «Писец Бартлиби»). Зато отмечает явления конструктивного характера: так, в «Моби Дике» показано не только убийство китов, но и процесс производства из них ценных продуктов – уса, серой амбры, масла¹. Мелвилл указывает на особенность американских китобойцев, которые можно отличить от остальных по салотопке: т.е. конструктивный процесс производства для него не менее важен, чем деструктивный процесс ловли и забоя. При этом показана практичность и скоординированность разнородной команды, которая использует все части китовой туши без остатка: от мяса, кожи и костей – до драгоценных масла, спермацета и амбры. Таким образом, «Пекод» можно назвать образцом слаженной командной работы, где каждый использует свои лучшие качества (вспомним невозмутимое спокойствие Старбека, хитрость Стабба, силу и ловкость дикарей-гарпунщиков и т.д.).

Итак, 1850-е гг. характеризовались, с одной стороны, быстрым темпом индустриализации, резким увеличением массового производства и широкой предпринимательской деятельностью (как говорит герой «Счастливой неудачи»: «мир успел дважды себя обогнать» [б. С. 231]). С другой стороны, прогресс все еще отягощался рабовладением². О давно назревшей проблеме рабства в творчестве Мелвилла написано немало критических трудов³: образы рабов – центральные в повести «Бенито Серено»; опосредованно показаны в «Башне с колоколом» (в образе механической фигуры); «Аде для девиц» (в образе работниц) и «Счастливой неудаче» (в образе старого слуги Йорпи). В своих произведениях Мелвилл показывает, как в эпоху капитализации и индустриализации архаичные рабовладельческие отношения видоизменяются: рабский труд показан в лучшем случае непроизводительным, а в худшем – смертельно опасным для хозяина.

В такой сложный период, когда одна общественно-экономическая формация еще не успела закончиться, а ей навстречу уже пришла другая, Мелвилл ищет формулу организованного и эффективного производственного процесса, при котором представители различных темпераментов, социальных положений, возрастов, национальностей, рас, а также люди и механизмы работали бы продуктивно и сообща. В его малой прозе 1850-х гг. – новеллах и повестях – показана в целом негативная модель, когда производственный процесс не приводит к желаемому результату. Представляется важным рассмотреть причины такого неуспеха, который мы видим на примерах «Бенито Серено», «Писец Бартлиби», «Башня с колоколом», «Ад для

Йорке» [7. Р. 166]. О техническом и экономическом развитии США – см. также [8. Р. 382–384].

¹ «Кит [в романе “Моби Дик”] по большей части присутствует как безымянное тело, которое люди преследуют в надежде настичь, убить, разять на части и превратить в товары для реализации на рынке» [4. С. 190–191]. Также о ките как о товаре – [2. Р. 107].

² Подробнее об этом – [4].

³ Например, [5, 9].

девиц» и «Счастливая неудача». Роман «Моби Дик», в силу его жанровых особенностей, мы оставляем в стороне и упоминаем лишь некоторые его фрагменты, относящиеся непосредственно к заявленной теме.

Таким образом, задачей настоящей статьи является рассмотрение производственных отношений в новеллистике Мелвилла 1850-х гг. Методы исследования – структурный, компаративистский и нарративный анализ. Методологической базой стали труды, которые частично или полностью освещают экономический аспект в американской литературе XIX в. (N.K. Gromell, C. Weinstein, M.T. Gilmore) и, в частности, в творчестве Мелвилла (L. Balfour, T.B. Strong, D. Kuebrich, I.G. Wilson), а также работы отечественных и зарубежных исследователей, посвященные отдельным проблемам: жанровым особенностям – А.П. Уракова, N. Argen; телесному опыту – А.В. Дулина, G. Thompson; отдельным новеллам – M. Fisher, I. Pardes, S. Ellis, C.A. Fenton).

Производственный процесс. На расхождение между целью работы и ее результатом указывает Измаил в «Моби Дике», когда рассуждает об Ахаве: «Все мои поступки здравы, цель и побуждение безумны» [3. С. 228] (*All my means are sane, my motive and my object mad*). В той или иной степени эту формулу можно применить ко всем производственным процессам, при которых средства – весьма энергозатратные либо дорогостоящие – расходятся с целью (ничтожной).

На примере произведений Мелвилла видно, как трудоемкое массовое производство приводит к появлению сложно организованных производственных «цепей». Другими словами, растет количество этапов и, следовательно, увеличивается расстояние, через которое должно пройти неоформленное «вещество» прежде чем превратиться в «конечный продукт» и перейти к «конечному потребителю». В «Башне с колоколом» на создание механизма Банадонну навело огромное расстояние, отделяющее зрителей от стоящего наверху: «Вознесенная высоко вверх человеческая фигура при взгляде снизу настолько уменьшается в размерах, что *теряет сходство с существом, которое наделено разумом*¹. Черты личности как таковой *совершенно утрачиваются*» [6. С. 210]. В новелле «Ад для девиц» рассказчика поражает количество операций, через которые проходит бумажная масса, чтобы стать бумагой: «... вот здесь, в этой точке *уже на что-то похоже, как будто* в конце концов можно будет и в руки взять. *Но до этого еще далеко, сэр*» [6. С. 260]. Он пишет на бумажном клочке слово «Купидон», чтобы узнать, сколько времени займет путь из конца в конец: после медленного, дюйм за дюймом, прохождения через множество непонятных скоплений цилиндров – он наконец получает готовый листок, «на котором теперь *еле виднелся* мой выцветший “Купидон”» [6. С. 261]. Сходное явление видим и в

¹ Скотт Эллис, анализируя «Башню с колоколом», отмечает, что «Мелвилл переключает внимание с продукта на процесс [производства]», а также с пользы – на творчество: так, членов городского совета прежде всего интересует, не станет ли творческое помехой практическому [10. P. 352–353].

«Счастливой неудаче», герой которой намеревается «по одному акру за час превратить поименованные болота и топи в поля плодороднее заливных лугов реки Дженесси» [б. С. 230]: невероятная сложность аппарата, над которым изобретатель трудился десять лет, приводит к тому, что его так и не смогли запустить. Можно также вспомнить отдел невостребованных писем, где, по слухам, работал Бартлби, – воплощенный пример того, что готовый «продукт» так и не дошел до «потребителя», что цель и результат кардинально разошлись («Порою из сложенного листка бумаги бледный клерк вынимает кольцо, – палец, для которого оно предназначалось, возможно, уже истлел в могиле» [б. С. 56]).

Итак, в сложнейшем, многоэтапном процессе производства между целью и результатом образуется зазор. Само производство при этом теряет практический смысл, а готовый «продукт» – в силу большого расстояния и долговременного производства – утрачивает свои ценные качества, уменьшается в размере, обесцвечивается. Готовый продукт в «Аде для девиц» – это чистый лист, пустота, которая потенциально, в необозримом будущем, может чем-то заполниться¹: «лист бумаги, на котором впоследствии будет что-то написано, но что именно – никто не знает». Судно «Сан-Доменик» уподоблено «тайному склепу, двери которого наконец оказались распахнутыми» [б. С. 134]. Множество сложных операций при производстве не только уводят от практической цели, но и физически истощают команду и лидера: достаточно вспомнить дядюшку из «Счастливой неудачи» («лицо его съезжилось и потемнело, словно выжатый лимон» [б. С. 325]); выцветших и побелевших девушек с бумажной фабрики («сами себе палачи <...> сами точат оружие, которое их убивает» [б. С. 259]); бледного, полупризрачного Бартлби; «болезненного и вялого аристократа» Бенито Серено.

Такая работа, утратившая свою практическую цель, оказывается заключена в самой себе. Не направленная на удовлетворение человеческих потребностей и не ориентированная на полезность, она в конечном счете саму себя разъедает: растворяется в окружающей среде – подобно бумажной фабрике – либо рассыпается на части – как дядюшкин аппарат или башня с колоколом. Более того: в своих произведениях Мелвилл нередко показывает, как производственная деятельность, оторванная от практической цели, переходит в сферу абстрактного, неясного, смутного. Ориентированная изначально на прогресс, она, против ожидания, возвращается в архаическую, неоформленную стадию мироздания; лишенная очертаний и знакомых (человеческих) форм, она обретает хтонические черты². Так, рассказчик из

¹ О значении белизны/пустоты в творчестве Мелвилла см., например: [11. Р. 25–43].

² К примеру, Р. Линд пишет о мистическом характере заколоченного ящика, который, в отличие от спасательного гроба-буя Квикега, испещренного иероглифами, до конца остается пустым и бессмысленным и напоминает брошенный в Нил саркофаг бога Осириса [12. Р. 125–126]. Н. Аррин рассуждает о «готическом» образе «Сан-Доменика» и башни с колоколом [13. Р. 38–40]. Ч. Фентон отмечает языческий характер огня, который раздувает Баннадонна [14. Р. 224].

«Ада для девиц» смотрит на плавающую и пузырящуюся бумажную массу, сходную с первобытным состоянием зарождающейся жизни. Дядюшкин аппарат напоминает гигантское гнездо анаконд и кобр. Фрегат Бенито Серено, казалось, «был заложен, выстроен и спущен со стапелей *еще в ветхозаветной Долине Сухих Костей пророка Иезекииля*» [3. С. 59]. В «Аде для девиц» бумажный станок сравнивается с «живым, пыхтящим *библейским бегемотом*». В «Башне с колоколом» говорится: «Создание это должно было быть совершенно оригинальным как по внутреннему устройству, так и по внешнему виду, *причем чем ужаснее последний – тем лучше*» [6. С. 212]. В итоге механическая фигура напоминает гигантское насекомое, по описанию похожее на саранчу¹.

Эффект от созерцания такой работы – ошеломительный, однако зритель, в силу отрешенности производственного процесса от бытовой, привычной реальности – испытывает какой-то первобытный страх, «нечто вроде благоговейного ужаса», его одолевают «всевозможные тягостные предчувствия». Мелвилл часто указывает на непроницаемый характер рабочего процесса: Гидравлико-Гидростатический Аппарат, наглухо заколоченный в ящик, непроницаемый, словно сфинкс; закутанная человеческая фигура, которую Баннадонна ото всех прячет; растворившаяся в снежной равнине бумажная фабрика или контора стряпчего, расположившаяся словно в огромном квадратном стволе шахты. Нередко также указано, что человеческий глаз не в состоянии рассмотреть результат работы (как, например, в случае с механической фигурой Баннадонны, которая слишком далека от зрителей), а человеческий мозг не в состоянии его осмыслить («Хотя местами я *не мог разглядеть*, как движется жидкий, полупрозрачный поток массы в самом своем потаенном и *вовсе незримом* продвижении, все равно было ясно, что в этих точках, *где оно от меня ускользало*, движение продолжалось, неизменно покорное самовластным прихотям машины» [6. С. 262]).

Таким образом, в новеллах Мелвилла можно увидеть, как чересчур сложный и многоэтапный характер производства приводит к разрыву между практической задачей и получившимся результатом и тем самым уводит человека от производительности, эффективности, технического прогресса – в сторону либо первозданной неоформленности и пустоты, либо опасной для жизни архаики. Конструктивная модель описывается Мелвиллом лишь пунктирно и в целом сводится к резкому сокращению сложного многоэтапного процесса: так, в «Бенито Серено» капитан Делано видит, как один из матросов вяжет морской узел «такой сложности, [какой] ему не приходилось видеть на американских судах, *да и вообще никогда в жизни*» [6. С. 90]. На метафорическом уровне этот узел сопоставим с положением на борту «Сан-Доменика» – а единственный способ спасения из запутанной ситуации диктует капитану один из матросов: «*Развяжи, разруби, скорей*» [6. С. 90]

¹ Простым ли совпадением является созвучие имен библейского демона Аббадона (Abaddon), повелителя саранчи, и зодчего Баннадонны (Bannadonna), чей автомат был покрыт *чешуйчатой блестящей броней (scaly mail, lustrous as a dragon-beetle's)?*

(*Undo it, cut it, quick*). В «Счастливой неудаче» дядюшка «схватил ящик, вытряхнул из него всех кобр и анаконд и, перекрутив и разорвав их на части, раскидывал по сторонам» [6. С. 234]. Резкий рывок, стремительное движение, усекающее все лишнее, могут вновь вернуть искаженный производственный процесс к его практической цели.

Командная работа. Еще одной важной причиной неуспешных производственных отношений является расхождение между действиями руководителя и команды. Под «руководителем» («лидером») мы понимаем индивида, стоящего во главе организационной структуры: капитан судна (Бенито Серено, Делано, Ахав); владелец конторы («Писец Бартлиби») или бумажной фабрики («Ад для девиц»); зодчий («Башня с колоколом»); изобретатель («Счастливая неудача»). В новеллах Мелвилла можно выделить две основные модели командной работы: «авторитарную» и «демократическую». Остановимся чуть подробнее на каждой из них.

«Авторитарную» модель командной работы характеризует, прежде всего, строгая иерархичность, воплощенная, к примеру, в форме рабовладельческих отношений («Бенито Серено»), (условного) вассалитета (главы о рыцарях и оруженосцах в «Моби Дике») либо строго централизованной власти («Башня с колоколом», «Ад для девиц»). На визуальном уровне такая иерархичность отражена в описании порядка на «Сан-Доминике», где составшие рабы копируют не только вертикальную структуру власти, но и социально-сословную иерархию. Бабо, воплощающий централизованную власть, располагает надо всей командой четырех самых престарелых рабов – щипальщиков пакли, которые благодаря своим увещаниям и погребальным напевам напоминают своеобразное духовенство. Под ними – шестеро дикарей-«точильщиков», представляющих военное сословие. Наконец, на палубе – низведенные до положения простых матросов помощники капитана, вынужденные исполнять самую черную работу.

Деятельность команды при «авторитарном» типе лидерства сведена к достижению цели – как правило, иррациональной: строительству гигантского колокола, не сопоставимому по размеру с башней, долговременному плаванью на плохо оснащенном судне или погоней за китом. Для достижения цели «авторитарный» лидер не жалеет средств, так что ценность человеческой жизни утрачивается, а индивидуальность стирается настолько, что лидер перестает различать своих работников в лицо, все они представляются для него единообразной массой – подобно девушкам на бумажной фабрике, рабам на судне или механическим фигурам на башне с колоколом¹. Мелвилл

¹ Синди Вайнштейн говорит о сходном явлении неразличимости членов команды в отношении «Моби Дика»: «Эффективность машины-китобийцы зависит от контроля Ахава над командой, контроля, который достигается за счет разрушения индивидуального характера: “точно так же и разные люди в этой команде: доблесть того, малодушие этого; порочность одного, чистота другого – все разнообразие было слито воедино и направлено к той неизбежной цели, на какую указывал Ахав, их единый киль и властитель” (цит. по: [3]). И Ахав, и команда здесь выступают в качестве инструментов» [2. Р. 108].

также нередко указывает на смертельную опасность, грозящую команде: Баннадонна убивает работника, который своей медлительностью чуть не погубил процесс изготовления колокола; рабы чуть не забивают до смерти матроса, который ненамеренно им помешал; Стабб оставляет в открытом море товарища, который постоянно выпрыгивал из вельбота и тем самым тормозил процесс поимки китов. Таким образом, любое отличие от общего «ритма» работы, которое ставит под угрозу достижение цели, будь то прямое неподчинение или нечаянное промедление, грозит неминуемым наказанием вплоть до убийства.

При иерархической системе управления лидер, как правило, поручает наиболее трудоемкую работу низшему по званию. Тот, в свою очередь, перепоручает ее своему помощнику и т.д. – вплоть до самого слабого в социальном плане звена – раба или механизма¹. Именно таким, к примеру, представляется капитану Делано порядок на «Сан-Доминике» («Надменный и хмурый, [Бенито Серено] даже не снисходил до того, чтобы лично отдавать приказы, действуя во всем через своего черного телохранителя, который, в свою очередь, пересылал их по назначению через посыльных» [6. С. 64]). Процесс передачи полномочий приводит к дистанцированности, оторванности лидера от команды, а сам он в прямом смысле слова теряет очертания, истончается подобно Бенито Серено, чьи изысканные манеры и хрупкое телосложение, не пригодные для исполнения функций капитана, отмечает капитан Делано; или его другу рабовладельцу Алехандро Аранде, от которого взбунтовавшиеся рабы оставили один скелет; или хозяину фабрики, который ненадолго появляется в рассказе лишь в образе безымянной, закутанной фигуры смуглого мужчины.

Мелвилл указывает на архаичный, устаревший характер «авторитарной» модели лидерства: он контрастно противопоставляет таинственного чилийца Бенито Серено (чей консерватизм отражен даже в элементах его живописного национального костюма) демократичному и простодушному американцу Делано; относит события «Башни с колоколом» к временам раннего Возрождения (*when the waters of the Dark Ages had dried up*); включает в описания характерные эпитеты: фрегат «Сан-Доминик», подобный устаревшему итальянскому палаццо, сохранил изначальный воинственный средневековый облик [6. С. 59]; при подъезде к бумажной фабрике деревянные развалины старой лесопилки «напоминают и что-то феодальное – рейнское или Турмбергское» [6. С. 252].

Напоследок обратимся к позитивной модели лидерства («демократической»), представленной в рассказах Мелвилла в образе капитана Делано²,

¹ О гегелевском понимании взаимоотношений «хозяин–раб» в сюжетах Мелвилла см.: [5. Р. 229].

² Сложно полностью согласиться с Лоури Бэлфуром, называющим капитана Делано «представителем либерального расизма, который был свойственен многим северным аболиционистам, выступавшим против рабства, но не против идеи расовой иерархии. Американский капитан видит в своем коллеге не только “своего бедного друга”, но еще

хозяина конторы («Писец Бартлби») и дядюшки-изобретателя («Счастливая неудача»). Вместо иерархичности определяющее значение здесь занимает идея тождества: лидер делает ту же работу, что и все остальные, имеет ту же «ценность» и получает ту же награду за свою работу¹. В качестве примера можно вспомнить, как хозяин конторы вместе со своими помощниками садился сличать документы; как «капитан Делано с республиканским *беспристрастием* принялся разливать эту республиканскую влагу, которая всегда стремится к *равенству*, сохраняя повсюду *один уровень*; он оделял *одинаково* и белого старца, и черного юнца» [6. С. 95]. Для «демократичного» лидера достижение цели факультативно: его основные силы направлены на управление коллективом, создание и поддержание дружественной, практически семейной², атмосферы. Соответственно, внимание уделяется каждой отдельной личности с ее уникальными качествами. Неслучайно Мелвилл показывает, как между собой уживаются различные темпераменты – к примеру, в «Счастливой неудаче» (дядюшка – холерик, племянник – сангвиник, Йорпи – флегматик). В «Писце Бартлби» стряпчему удалось приспособиться к различным биоритмам двух своих помощников – Индока и Кусачки (один был продуктивен днем, другой – вечером), так что в результате «приступы их сменяли друг друга как караул <...> И естественный этот порядок вполне меня удовлетворял» [6. С. 27]³.

В плане лидерских качеств тип «демократического» руководителя уступает «авторитарному»: и стряпчий, и капитан Делано, и дядюшка не обладают исключительными талантами, склонны мыслить шаблонами, недостаточно сообразительны; им недостает практичности и расторопности; из-за мягкого характера подчиненные часто не видят в них авторитет и подвергают сомнению их действия. Другими словами, лидерские качества (честолюбие, практичность, хитрость, ориентированность на результат) уступают моральным (сострадательность, милосердие, добродушие, доверчивость, заботливость). Практической пользе моральные качества вредят: они замедляют производственный процесс, ставят в опасное положение и лидера, и

и испанца (Spaniard), посланника мира, мрачного и атавистичного в своих религиозных представлениях и отношениях к рабам» [5. Р. 267]. Капитана Делано действительно восхищает рвение и тепло, с которым рабы заботятся о своем господине – и в этом качестве он видит возможность относиться к ним не как к слугам, а как к *преданным товарищам* (*devoted companion*). В Бенито Серено его раздражает, в первую очередь, его «сонное высокомерие» (*slumbering dominion*), «хмурый и отрешенный» взгляд (*dreary and spiritless look*), «сумрачный облик» (*pale face*), и т.д. – «так что сам капитан уже становится как бы не живым существом, а скалой или, вернее, заряженной пушкой» [6. С. 65].

¹ В «Моби Дике», напротив, показано, как каждый имеет свою ценность и, соответственно этому, получает свою долю. Так, Квикег оказывается более ценным чем Измаил, а жизнь Пипа уступает в своей ценности убитому киту («Мы не можем себе позволить терять китов из-за таких, как ты; за кита можно выручить раз в тридцать больше, чем дали бы за тебя, Пип, в Алабаме» [3. С. 448]).

² О кризисе семейственности в новелле «Писец Бартлби» см.: [8. Р. 385; 15. Р. 136].

³ О попытке примирить темпераменты своих работников из человеколюбия, а не меркантильных соображений пишет, к примеру, [15. Р. 133].

команду, отвлекают от изначальной цели. Однако можно назвать и один конструктивный момент, снова обозначенный Мелвиллом лишь в общих чертах. В отличие от «авторитарных» лидеров, которые отделяют себя от основной массы, «демократы», напротив, не только включают себя в общую работу коллектива, но и пытаются проникнуть в сознание другого – самого ничтожного либо самого непохожего на самого себя по характеру. Эта попытка может выражаться в прямом взгляде, буквально – глаза в глаза: «...капитан Делано не смог удержаться и удивленно посмотрел *прямо в глаза* собеседнику, но тот, вместо того чтобы открыто встретить его взгляд, понурился, выказывая все признаки малодушного смущения, и уставил глаза в палубу» [б. С. 79]; «Я *внимательно посмотрел на него* и заметил, что глаза у него мутные, без блеска» [б. С. 41]. Как видим, герой встречается с преградой в попытке понять намерения своего собеседника¹, однако в самом процессе происходит важная метаморфоза: «лидер» начинает меняться², его собственная, далекая от совершенства, натура обогащается, он словно впитывает в себя качества другого и даже сам на время становится другим. Специалист по творчеству Мелвилла Мильтон Стерн в своем исследовании называет Бартлби инверсией либо одной из ипостасей самого рассказчика: «Стряпчий будто бы понял, что глядя на подавленного, деструктивного Бартлби он смотрит на самого себя, на логическое или духовное продолжение собственной жизни, которая не дает ни поддержки, ни надежды всему тому, что скрыто в нас под покровом обыденного подчинения [общественным] нормам и ценностям <...>. Существует общее мнение, что стряпчий (по крайней мере, поначалу) и Бартлби – это конфликтующие и противоположные стороны человеческого мировосприятия и опыта»³ [18. Р. 27]. Таким образом, восполняется изначальная неполнота характера и поведения

¹ О преградах, с которыми сталкивается индивид в попытке понять собеседника, – см.: [16. С. 128–139].

² Среди исследователей нет общего мнения о том, меняется ли к финалу «Бартлби» образ стряпчего. Так, Т.Д. Венедиктова пишет: «Нам хочется, чтобы стряпчий “спас” Бартлби, но также и чтобы Бартлби “спас” стряпчего, – чтобы странный писец вернулся к здравомыслию, но также и чтобы работодатель вышел за его пределы. Однако перемены не происходят ни с тем, ни с другим» [4. С. 207]. Напротив, И. Пардс говорит о кардинальной трансформации стряпчего (*dramatic transformation*). [17. Р. 113].

³ О тождестве стряпчего и Бартлби – особенно на языковом и эмоциональном уровне – пишет также И. Пардс: банальная финальная фраза «О, Бартлби! О, люди!» «благодаря Мелвиллу становится самой трогательной в сюжетной линии стряпчего. Именно здесь, как никогда раньше, стряпчий оставляет в стороне благоразумие и предсудителность, и, *подобно писцу*, осмеливается подойти к самому пределу языка <...>. Заключительную фразу [можно определить] как произвольно переданную стряпчим мольбу Иова о человечестве, которую сам Бартлби никогда не произнесет» [17. Р. 112–114]. Негативную сторону тождества стряпчего и Бартлби отмечает А.П. Уракова: «...близкий контакт с [Бартлби] грозит опасным отождествлением, действующим по принципу «заражения» [19.С. 165].

лидера: он перестает мыслить шаблонами¹, раздвигаются границы его мироощущения, (при)открывается скрытая прежде истина («И в это мгновение пелена спала с глаз Делано, с неожиданной ясностью он вдруг понял все <...>. Оглянувшись на “Сан-Доменик” [он] увидел теперь фрегат совсем в другом свете» [6. С. 117]; «Впервые в жизни меня охватило чувство тягостной, щемящей печали» [6. С. 37]).

Заключение

Современные исследователи видят в произведениях Мелвилла 1850-х гг. критику экономических и политических явлений, которые либо стирают, либо развращают человеческую натуру². В образах многочисленных мелвилловских кораблей находят метафору самого государства, «страх перед направлением, в котором двигалась страна, опасение в том, что американский государственный корабль садится на мель или засасывается в гигантский водоворот» [5. Р. 281]. Механизация названа «непостижимой богоподобной машиной, которая имитирует человеческое воспроизводство, в конечном итоге подрывая и заменяя его методами массового производства. Технологии и капитализм эффективно сочетают в себе созидание и разрушение, рождение новой эпохи и гибель старой. Видение Мелвилла подчеркивает не только непристойность (*obscenity*) биомеханической имитации, но и ужас того, во что должен был превратиться идеальный рабочий» [4. Р. 444]³. Такой негативный подход к процессам индустриализации, урбанизации, технического прогресса, массового производства в конечном итоге стирает разницу между всеми героями: добродушный и жизнелюбивый капитан Делано становится неотличим не только от полуживого рабовладельца Бенито Серено, но и от хитрого и жестокого раба Бабо. Стряпчий-филантроп из новеллы «Писец Бартлби» назван Мильтоном Стерном «самодовольным и бессердечным, с ограниченным кругозором, лицемерным христианином, респектабельным буржуазным каннибалом, конформистом во всех областях» [18. Р. 16–17]; по мнению Дэвида Кубрича, он наделен слепой властью бога, который имеет право повелевать и наказывать по своему усмотрению [8. Р. 394].

Однако наряду со всеми вышеназванными проблемами, нельзя не отметить и положительные явления, о которых – хоть и несколько сжато – Мелвилл все же пишет. Прежде всего, бросается в глаза родство: между хозяином конторы и дядюшкой – в их христианском проявлении милосердия к ближнему; между хозяином конторы и капитаном Делано – в их желании раскрыть тайну, распахнуть двери «тайного склепа»; между всеми троими – в их попытке убрать различие между собой и другим. В настоящей статье

¹ О «шаблонном» мировосприятии стряпчего в «Писце Бартлби» см.: [8. Р. 391].

² Об этом см. [20. Р. 201].

³ Также о том, что механизмы заменяют естественное продолжение рода, см.: [20. Р. 205].

была предпринята попытка найти позитивные явления в описанных Мелвиллом производственных отношениях, определить если не идеальную, то хотя бы конструктивную модель лидерства, а также указать источники негативных результатов производственного процесса.

Общим изъяном технического прогресса в творчестве Мелвилла представляется чрезмерная сложность и многоэтапность производства, которая создает дистанцированность, провоцирует появление опасных пустот, приводит к рассогласованию целей и задач с результатом. Практическая, конкретная польза, которая планировалась изначально, сменяется на финальном этапе производства абстрактной идеей и провоцирует превращение объектов технического прогресса в «хтонических» чудовищ. В командной работе излишняя сложность выражается в создании иерархических структур (рабовладение, вассалитет), которые также связаны с архаикой, а не с прогрессом. Отдаленный от своей команды руководитель теряет человеческие черты, превращается в силуэт или скелет, в то время как члены команды, напротив, приобретают автономность и способны в любой момент уничтожить своего хозяина. Напротив, в позитивной модели лидер стремится к союзу с командой: не ориентированный на результат, он желает наладить отношения внутри коллектива, согласовать разнородные элементы. Отсечение лишних этапов производства – равно как и отказ от социальных различий – возвращает производственный процесс в практическое русло.

Список источников

1. *Bromell N.K.* *By the Sweat of the Brow: Literature and Labor in Antebellum America.* University of Chicago Press, 1993. 292 p.
2. *Weinstein C.* *The Literature of Labor and the Labors of Literature: Allegory in Nineteenth-Century American Fiction.* Cambridge Studies in American Literature and Culture. Cambridge University Press, 2008. 284 p.
3. *Мелвилл Г.* Моби Дик, или Белый Кит. Л. : Художественная литература, 1987. 640 с.
4. *Венедиктова Т.Д.* «Разговор по-американски»: дискурс торга в литературной традиции США. М. : Новое литературное обозрение, 2003. 328 с.
5. *Franc J. (ed.)* *A Political Companion to Herman Melville.* University Press of Kentucky, 2013. 457 p.
6. *Мелвилл Г.* Повести и рассказы. Стихотворения. Л. : Художественная литература, 1988. 480 с.
7. *Kelley W. (ed.)* *A Companion to H. Melville.* Blackwell Publishing, 2006. 601 p.
8. *Kuebrich D.* Melville's Doctrine of Assumptions: The Hidden Ideology of Capitalist Production in «Bartleby» // *The New England Quarterly.* 1996. Vol. 69 (3). P. 381–405.
9. *Wilson I.G.* «No soul above»: Labor and the «law in art» in Melville's «The Bell-Tower» // *Arizona Quarterly: A Journal of American Literature, Culture, and Theory.* 2007. Vol. 63. P. 27–47.
10. *Scott E.* Utility, Artistry, and Narrative Control in Herman Melville's «The Bell-Tower» // *College Literature.* 2020. Vol. 47 (3). P. 346–365.
11. *Thompson G.* «Through consumptive pallors of this blank, raggy life»: Melville's Not Quite White Working Bodies // *Leviathan: A Journal of Melville's Studies.* 2012. Vol. 14. P. 25–43.
12. *Lynde R.D.* Melville's Success in «The Happy Failure»: A Story of the River Hudson // *CLA Journal.* 1969. Vol. 13 (2). P. 119–130.

13. Arren N. Melville and the Gothic Novel // *The New England Quarterly*. 1949. Vol. 22 (1). P. 33–48.
14. Fenton C.A. «The Bell-Tower»: Melville and Technology // *American Literature*. 1951. Vol. 23 (2). P. 219–232.
15. Gilmore M.T. *American Romanticism and the Marketplace*. The University of Chicago Press, 1985. 192 p.
16. Дулина А.В. Телесное в прозе Г. Мелвилла (новеллы 1850-х годов) // *Вестник Московского университета*. 2018. № 3. С. 128–139.
17. Batnitzky L., Pardes. I. (eds.) *The Book of Job: Aesthetics, Ethics, Hermeneutics*, 2015. Walter de Gruyter. 226 p.
18. Bloom H. (ed.). *Herman Melville. New Edition. Bloom's Modern Critical Views*, 2008. 294 p.
19. Уракова А.П. «В самом сердце американской культуры»: сентиментальное направление в литературе первой половины XIX века // *Философско-эстетические константы литературы США в динамике художественных направлений*. М. : ИМЛИ РАН, 2019. С. 158–194.
20. Fisher M. Melville's «Bell-Tower»: A Double Thrust // *American Quarterly*. 1966. Vol. 18 (2). P. 200–207.

References

1. Bromell, N.K. (1993) *By the Sweat of the Brow: Literature and Labor in Antebellum America*. Chicago: University of Chicago Press.
2. Weinstein, C. (2008) *The Literature of Labor and the Labors of Literature: Allegory in Nineteenth-Century American Fiction*. Cambridge Studies in American Literature and Culture. Cambridge: Cambridge University Press.
3. Melville, H. (1987) *Moby Dik, ili Belyy kit* [Moby-Dick, or The White Whale]. Leningrad: "Khudozhestvennaya literatura".
4. Venediktova, T.D. (2003) *"Razgovor po-amerikanski": diskurs torga v literaturnoy traditsii SSHA* ["Talking American": The Discourse of Bargaining in U.S. Literary Tradition]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye.
5. Franc, J. (ed.) (2013) *A Political Companion to Herman Melville*. Lexington: University Press of Kentucky.
6. Melville, G. (1988) *Povesti i rasskazy. Stikhotvoreniya* [Tales and Short Stories. Poems]. Leningrad: "Khudozhestvennaya literatura".
7. Kelley, W. (ed.) (2006) *A Companion to Herman Melville*. Malden: Blackwell Publishing.
8. Kuebrich, D. (1996) Melville's Doctrine of Assumptions: The Hidden Ideology of Capitalist Production in "Bartleby". *The New England Quarterly*. 69 (3). pp. 381–405.
9. Wilson, I.G. (2007) "No Soul Above": Labor and the "Law in Art" in Melville's "The Bell-Tower". *Arizona Quarterly: A Journal of American Literature, Culture, and Theory*. 63. pp. 27–47.
10. Scott, E. (2020) Utility, Artistry, and Narrative Control in Herman Melville's "The Bell-Tower". *College Literature*. 47 (3). pp. 346–365.
11. Thompson, G. (2012) 'Through consumptive pallors of this blank, raggy life': Melville's Not Quite White Working Bodies. *Leviathan: A Journal of Melville Studies*. 14. pp. 25–43.
12. Lynde, R.D. (1969) Melville's Success in "The Happy Failure": A Story of the River Hudson. *CLA Journal*. 13 (2). pp. 119–130.
13. Arren, N. (1949) Melville and the Gothic Novel. *The New England Quarterly*. 22 (1). pp. 33–48.
14. Fenton, C.A. (1951) "The Bell-Tower": Melville and Technology. *American Literature*. 23 (2). pp. 219–232.

15. Gilmore, M.T. (1985) *American Romanticism and the Marketplace*. Chicago: University of Chicago Press.

16. Dulina, A.V. (2018) Telesnoye v proze G. Melvilla (novelly 1850-kh godov) [The Bodily in Herman Melville's Prose (1850s Short Stories)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. (3). pp. 128–139.

17. Batnitzky, L. & Pardes, I. (eds) (2015) *The Book of Job: Aesthetics, Ethics, Hermeneutics*. Berlin: Walter de Gruyter.

18. Bloom, H. (ed.) (2008) *Herman Melville*. New Edition. Bloom's Modern Critical Views. New York: Chelsea House.

19. Urakova, A.P. (2019) "V samom serdtse amerikanskoy kul'tury": sentimental'noye napravleniye v literature pervoy poloviny XIX veka ["In the Very Heart of American Culture": The Sentimental Trend in First Half of the 19th Century Literature]. In: *Filosofsko-esteticheskiye konstanty literatury SSHA v dinamike khudozhestvennykh napravleniy* [Philosophical-Aesthetic Constants of U.S. Literature in the Dynamics of Literary Movements]. Moscow: IWL RAS. pp. 158–194.

20. Fisher, M. (1966) Melville's "Bell-Tower": A Double Thrust. *American Quarterly*. 18 (2). pp. 200–207.

Информация об авторе:

Кузнецова Н.В. – канд. филол. наук, младший научный сотрудник кафедры зарубежной журналистики и литературы Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: nataly-journ@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

N.V. Kuznetsova, Cand. Sci. (Philology), junior research fellow, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: nataly-journ@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 30.08.2024;
одобрена после рецензирования 12.10.2024; принята к публикации 19.05.2025.*

*The article was submitted 30.08.2024;
approved after reviewing 12.10.2024; accepted for publication 19.05.2025.*